

Андрей Иванов

КРИКИ ЧАЕК

Актуализация новеллы И. Бунина «Чистый понедельник»

Действующие лица:

ИНГА

ВАЛДИС

Картина 1

Кладбище. ИНГА и ВАЛДИС стоят и смотрят на могилу. ИНГА смотрит зачарованно. ВАЛДИС переминается с ноги на ногу.

ПАУЗА

ВАЛДИС: *(неуверенно)* Классно тут, да?

ИНГА: Это был хороший архитектор.

ВАЛДИС: А, ты про могилу, ну да...

ИНГА: Хороший архитектор, а могила какая то... Под хохлому...

ВАЛДИС: А что он сделал?

ИНГА: Памятник Ленину поставил...

ВАЛДИС: Эм... Понятно...

ИНГА: *(резко)* Ну неужели тут не прекрасно?

ВАЛДИС: *(неуверенно)* Прекрасно... И холодно... Ты не замерзла? *(пытается согреть ИНГУ)*

ИНГА: *(отстраняет ВАЛДИСА)* Нет, я не мерзну в таких местах.

ВАЛДИС: В каких местах? Инга, мы на кладбище!

ИНГА молчит, буравя взглядом ВАЛДИСА.

ВАЛДИС: А луна какая, смотри... Как апельсин.

ИНГА: Или бабочка.

ВАЛДИС: Бабочка?

ИНГА: Мертвая голова. Череп. Ну что ж ты такой непонятливый. Это метафора.

ВАЛДИС: Слушай, нам нужно поговорить...

ИНГА: Возьми меня за руку и поговорим.

ВАЛДИС: *(берет за руку ИНГУ)* Зачем мы здесь?

ИНГА: Искали могилу архитектора. Мы живем в городе, в который он вложил душу. ПАУЗА Как же ты меня любишь... Аж на кладбище пошел за мной... Ну пойдём, пойдём в бар, если хочешь... Выпьём текилы.

ВАЛДИС: Блин, не в текиле дело. Ты любишь меня?

ИНГА: Валдис, а что такое любовь?

ВАЛДИС: Начинается... За руку возьми, но в губы не целуй, целуй, но за грудь не бери, за грудь бери, а внизу не трогай...Ты мне нужна. Я уверен.Сколько можно уже меня динамить? Тебе вообще все равно?

ИНГА: Ты не понимаешь...

ВАЛДИС: Ну что? Что я не понимаю?

ИНГА: Ты слышал, как чайки над Даугавой кричат? Это так тоскливо. Как будто души кричат, ищут покоя, понимаешь? И я такая же. Я тоже ищу покой.

ВАЛДИС: Ну, опять какая то русская литература началась. Ладно, пошли в бар. По Allejasīelapройдёмся, мне надо к другу забежать...

ИНГА: Нет, по Allejasне пойдём. Там сейчас слишком темно. Слышишь?

ВАЛДИС: Что?

ИНГА: Чайки. *(целует его в губы)*.

Картина 2

Студия ток-шоу. В студии темно. Включаются приборы, высвечивают ИНГА и ВАЛДИСА.

ИНГА: Он любил меня, конечно... И кошек этих из приюта возил к ветеринару, когда я просила, они из переносок выбрались, пока он в пробке стоял, весь салон ему, ну, вы понимаете... Шесть кошек. Ну, и весело было с ним. Ездили в Ригу. Он нанимал шофера в кабриолете и мы всю ночь по казино и ресторанам, Театры, презентации.... Нам завидовали, я видела эти взгляды. Мы – красивые, молодые...

ВАЛДИС: Ну, я не поэт, и ничего такого, поэтому не знаю точно. Но я думаю, что это была любовь. Я очень люблю яйца вареные, ну и дома варю их часто, и когда с ней разговаривал по телефону, как только познакомились, забывал следить. Прихожу – а яйца уже - жареные. И дым уже идет, треснутая скорлупа. Как будто из них кто-то хочет выбраться. Какая то жизнь новая. *(улыбается)* И мне все тогда казалось про новую жизнь. Я Ингуццветами заваливал... И поначалу все было хорошо – она принимала, и переписывались мы, и перезванивались, и до тела я был допущен, хотя и не до конца... Она до какого то момента доходила, и все.

ИНГА: Он был, как бы... немного нечестным. В нем не было настоящего сострадания. Он сострадал ради меня. Такой вовлеченный в мир. Я спрашивала: куда сегодня пойдём? А он: ты решай. Я говорю: опять ты говоришь: ты. Родной, мир же не из одной меня состоит. Ты думаешь, я не

замечаю? Ты же все мои посты лайкаешь. И в твиттере и в фейсбуке. Даже те, что про беженцев из Ирака, даже посты про пропавших девочек. Я же знаю, тебе плевать, - и на девочек, и на беженцев. Ты их лайкаешь, потому что для меня это важно. Я понимаю, да, ты меня любишь, но не надо, не надо мне этой нечестности, понимаешь? Эти люди, девочки, беженцы, кто угодно - прямо сейчас страдают, по-настоящему, понимаешь? А ты... «Люблю... Люблю...»Ну разве это страдание? Ну сам подумай... Ты же всего лишь обо мне одной думаешь... Всего лишь обо мне...

Картина 3

Квартира ИНГИ. ИНГА в душе. ВАЛДИС ходит по комнате, скучая. Он берет какую то шапочку, надевает на себя.

ВАЛДИС: Дорогая Инга и Валдис! В этот замечательный день я хочу спросить вас – является ли ваше желание стать супругами обоюдным и окончательным? Валдис? - Да, конечно! Я люблю эту женщину! - Инга? ПАУЗА. Вы слышали, как чайки кричат над Даугавой, святой отец?-Да ну нахер вас, венчайтесь сами...

ВАЛДИС ходит, трогает вещи ИНГИ. Берет книгу в руки, делает грустное лицо.

ВАЛДИС: В этот печальный день мы вспоминаем Валдиса. Отличного парня, хорошего сына и доброго друга. Не выдержав любовной муки, он бросился в Даугаву, и белые чайки кружились над ним... А каким бы он мог стать отличным мужем и отцом!

Входит ИНГА, вытирая голову.

ВАЛДИС: Ого, как ты долго... Помереть можно. Я готов...

ИНГА: *(дает ему крем)* Только очень нежно, Валдис...Энергетические меридианы... Помнишь?...

ВАЛДИС: *(начинает втирать крем в обнаженные плечи ИНГИ)* Я все помню... Все. Как ты пахнешь, маленькая...

ИНГА: Я не маленькая...

ВАЛДИС: Ну а как тебя называть?

ИНГА: Инга.

ВАЛДИС: Как ты пахнешь, Инга... Как пахнешь...

ИНГА: Слишком сильно...

ВАЛДИС: Я уйду, я сделаю массаж и уйду. Как обычно уйду, не бойся. Но мне важно сейчас... Как ты пахнешь...

ИНГА: Мне больно, Валдис. У тебя слишком теплые руки. Слишком сильные.

ВАЛДИС: Мне кажется, что я ловлю туман. Понимаешь? Не могу поймать ничего руками. Выходи за меня?

ИНГА: Нет. Остановись. Сядь.

ВАЛДИС садится рядом.

ВАЛДИС: Неподходящий момент, да?

ИНГА: Я не создана для брака.

ВАЛДИС: Окей, окей. Я понял.

ИНГА: Но ты у меня один. Я не вру.

ВАЛДИС: Ну я верю, верю. Я тоже ни с кем не мутил.

ИНГА: Мне холодно. Обними. *(ВАЛДИС обнимает ее)*

ВАЛДИС: Я с ума с тобой сойду. Слышишь – чайки кричат? Ищут покоя, да?

ИНГА: Нет, это свистят трубы. У меня старые трубы в доме.

ВАЛДИС и ИНГА занимаются любовью.

ПАУЗА

ВАЛДИС смотрит на ИНГУ.

ИНГА: Иди. Тебе надо к другу зайти.

ВАЛДИС: Хорошо. Пойду. Я...

ИНГА: Я знаю.

ВАЛДИС: Тебе что-нибудь нужно?

ИНГА: Нет. Погуляй, пожалуйста.

ВАЛДИС уходит

ИНГА: Стой. Я уеду пока к родителям. Ну, чтоб ты знал. Спишемся.

ВАЛДИС: Спишемся.

Картина 4

Студия ток-шоу. В студии темно. Включаются приборы, высвечивают ИНГУ и ВАЛДИСА.

ВАЛДИС: И что-то случилось тогда – не знаю. Она такая жалостливая ко всем стала. А может, она и была такая, а я раньше не разглядел. Она всех жалела, кроме меня. Нет, ну, я мужчина – меня необязательно, но чуть-чуть все же можно. Ведь она для меня так много значила. Я соглашался с ней во всем. Шел за ней везде. А она: то отдалится, то приблизится, то отдалится, то приблизится. Я говорю: давай жить вместе, кофе в постель, вечера у камина, а она говорит: нет, не могу, и куда-то смотрит в пространство. Я руку ей на бедро кладу, и так нежно глажу – дальше и дальше... И чувствую – она без белья. И у меня сердце аж в горле застучало. Я говорю: ну почему – нет? А она очень серьезно мне говорит: Кроме тебя у меня мужчин в жизни нет. И руку мою перехватывает. И отталкивает меня. Кроме тебя и отца. И не будет. Ты помни об этом.

ИНГА: Он поклонялся мне. Но не чувствовал. Я должна была быть над всем этим. Должна была жить со смыслом. А он не чувствовал. И однажды мы ездили с Валдисом, друзьями, ездили, пили в каком-то индийском ресторане, помню, там колонна такая из яшмы в центре зала на втором этаже. И мы сидим с друзьями, хохочем, а напротив меня их шестирукий бог – красивая вышивка, золото, парча, огромный гобелен. Шива. Точно, Шива. И у него были такие глаза огромные, такие добрые. Понимаете, для слез у него были глаза. И круговорот рук. В одной руке смерть, в другой – жизнь. В одной – череп, в другой – апельсин. Это было как-то... Это была сама жизнь, меня разорвало на клочки. Меня этот Шива забрал тогда с собой навсегда. И Валдис меня держал за пальцы под столом. И я убрала руку.

Картина 5

Стол для пинг-понга, по обе его стороны стоят стулья. Над столом раскачивается лампа. На стульях лицами друг к другу сидят ИНГА и ВАЛДИС.

ВАЛДИС: Она очень красивая, у нее волосы – как пена из латуни. Вот это я сказал... (*удивляется сам себе*) Пена из латуни, да. Золотые. Руки тонкие. А вообще она похожа на пуму. Очень большие глаза... Блин... Ну не знаю я ее особые приметы. Я же вам все фотографии отдал. Больше нет. Она удалила все аккаунты. Просто взяла и пропала. Отец ее тоже ничего не знает. Мне нужен хотя бы город, хотя бы район. Этих денег хватит?

ИНГА: Конечно, хватит. Для меня на этой работе деньги – не главное. Вы думаете, что я переехала в этот город из ради денег? Хо-хо, у меня там квартира осталась пятикомнатная. ПАУЗА. Диплом педагога есть... Я знаю, что это очень тяжелая работа. Да. Я знаю, что такое хоспис. Знаете, я хочу помогать. Да, я готова к этому. Да, я знаю, что они буду умирать. У меня большое сердце (*улыбается*). У меня ведь, знаете, есть еще свои причины... С документами все в порядке?

ВАЛДИС: Не в порядке. Нет у меня ее документов. Ни одного. Билеты в оперу – это документы? Я не понимаю. Зачем она уехала?

ИНГА: Ну, я не буду вам отвечать на этот вопрос, хорошо? (*улыбается*). Пусть это будет интригой. Хм, пусть у меня в другом городе будет муж, красавец, умница, а я буду истеричной бабой, которая сбежала, потому что не знаю, чего хочу... (*смеется*) Берете меня? Что-то еще?

ВАЛДИС: Нет, ничего, не знаю, что еще сказать. Ищите ее, найдите. Я еще заплачу.

Картина 6

Кладбище. ВАЛДИС смотрит на зрителей. У него в руках букет.

ВАЛДИС: Я принес тебе цветы. Мужикам не дарят цветы, но после смерти – можно. Я - из благодарности. Она меня тут, у твоей могилы поцеловала, и я благодарен. Она, короче, уехала. Написала мне в фейсбук, что уезжает, что искать ее не надо, и аккаунт удалила... Слушай, тезка, архитектор, ты же душу в этот город вложил? Памятник Ленину поставил и всякое такое, да? Слушай, сделай с чайками что-нибудь, этими сраными! Они орут и орут... Я спать не могу – так они сильно орут над Даугавой.